

Борьба кружка ревнителей благочестія съ патриархомъ Иосифомъ по вопросу о единогласіи.

Первоначальная общая дѣятельность кружка ревнителей благочестія. Неудовольствіе на эту дѣятельность со стороны высшихъ духовныхъ властей, особенно патриарха. Столкновение между ревнителями и патриархомъ Иосифомъ изъ за единогласія въ церковномъ пѣвнѣи и чтеніи. Возникновение и развитіе у насъ многогласія. Неудачная борьба съ этимъ злоупотребленіемъ, начиная съ Стоглавнаго собора. Стефанъ Вонифатьевичъ и Ртищевъ вводятъ единогласіе сначала въ своихъ церквахъ, а потомъ къ нимъ присоединяются царь, Нероновъ, Никонъ и другіе ревнители. Соборъ 11 февраля 1649 года, подъ предѣдательствомъ патриарха Иосифа, рѣшаетъ вопросъ въ пользу стараго многогласія. Царь не признаетъ этого соборнаго постановленія и заставляетъ патриарха Иосифа передать рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе константинопольскаго патриарха, который безусловно высказывается за единогласіе. Въ 1651 году патриархъ Иосифъ принужденъ былъ созвать новый соборъ для вторичнаго разсмотрѣнія вопроса о единогласіи и порѣшить его, вопреки своему прежнему постановленію, такъ, какъ желали его противники-сторонники единогласія. Патриархъ Иосифъ теряетъ всякое значеніе въ церковныхъ дѣлахъ вплоть до самой своей смерти.

Первоначальная общая дѣятельность всѣхъ членовъ кружка ревнителей благочестія опредѣлялась наличностію тѣхъ пороковъ и недостатковъ, какіе въ то время существовали въ жизни народа, самаго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, наличностію тогдашнихъ церковныхъ безпорядковъ, отсутствіемъ живой проповѣди и вообще учительности въ духовенствѣ. На борьбу съ общественными пороками и недостатками, на борьбу съ лѣнностію и распущенностію духовенства и выступилъ прежде всего кружокъ ревнителей, поставивъ своею задачею водворить въ народѣ истинное христіанское благочестіе, уничтожить разные церковныя безпорядки, вызвать къ жизни церковную проповѣдь.

Прежде всего кружокъ ревнителей энергично возсталъ противъ разныхъ народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій, народныхъ иногда кощунственныхъ забавъ и увеселеній, настаивая предъ высшею церковною и свѣтскою властію, что бы она пришла къ нимъ на помощь въ этомъ дѣлѣ своими правительственными мѣрами: запрещеніями и указами. И съ этой стороны кружокъ достигалъ своей цѣли: благодаря воздѣйствию Стефана Вонифатьевича на царя изданъ былъ цѣлый рядъ указовъ и распоряженій въ видахъ уничтоженія въ народѣ грубыхъ и безнравственныхъ языческихъ игрищъ, забавъ и суевѣрій, на которыя указывали правительству ревнители. Затѣмъ кружокъ выступилъ съ энергичными обличеніями безпорядочной, зазорной жизни какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства и настаивалъ предъ властями, что бы онѣ предприняли мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ, также и разныхъ церковныхъ нестроеній, проявляющихся въ самомъ отправленіи духовенствомъ церковныхъ службъ. Въ то же время кружокъ ревнителей усиливался возстановить совсѣмъ было замолкшую на Руси церковную проповѣдь, настаивая, что бы при церковныхъ службахъ народу читались положенныя уставомъ поученія и житія, причемъ сами члены кружка старались неукоснительно выполнять всѣ тѣ требованія, какія они предъявляли къ остальному духовенству ¹⁾.

Указанная дѣятельность кружка ревнителей, находившихъ себѣ постоянную поддержку и поощреніе въ царскомъ духовникѣ Стефанѣ Вонифатьевичѣ и прочную опору въ самомъ государѣ, естественно не могла правиться какъ патриарху, такъ и большинству епархіальныхъ архіереевъ. Въ дѣятельности кружка патриархъ и власти видѣли косвенное порицаніе ихъ архипастырской дѣятельности, обличеніе ихъ въ нерадѣніи въ исполненіи своихъ архипастырскихъ обязанностей, въ преступномъ ихъ равнодушіи къ печальному нравственно - религіозному положенію пасомыхъ, духовенства и самой церкви, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя челобитныя ревнителей даже прямо принимали наставительно-учительный тонъ относительно патриарха и другихъ архіереевъ. Неизвѣстный, на-

¹⁾ Указанныя стороны общей дѣятельности кружка ревнителей, подробно изложены нами въ нашей квигѣ: патр. Никонъ, стр 117—128

примѣръ, въ своей челобитной къ патріарху Іосифу, называя себя „грубоумнымъ его богомольцемъ“, въ то же время напоминаетъ Іосифу о его предшественникахъ—московскихъ митрополитахъ: Петрѣ, Алексѣѣ, Іонѣ, примѣру которыхъ и приглашаетъ Іосифа слѣдовать въ своей архипастырской дѣятельности, причемъ рѣзко заявляетъ: „твоего святительскаго рукоположенія служителя (церкви), только именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, только нареченіемъ и образомъ учителя, а произволеніемъ тяжцы мучители“. Онъ молитъ Іосифа поревновать о церквахъ Божіихъ, оказать ревность по примѣру своихъ великихъ предшественниковъ на московской каѳедрѣ и исправить „хромое“, пока еще есть время. Другой челобитчикъ такъ пишетъ суздальскому архіепископу Серапіону: „ты, святителю Божій, яко же слышится, не прележиши, еже отринути и воспретити худыхъ челоувѣкъ, по бѣсовскому ухищренію, возношеніе и гордость на невѣсту Христову, глаголю церковь Божію: или мниши избѣжати суда Божія? Помни реченное въ писаніи: тому же быть волку и сему, аще волкомъ терпять, а не пастырю. Ты бо еси пастырь поставленъ и стражъ людемъ Божіимъ отгоняти волки, яко же во Іезекеилѣ речено бысть. Того ради и епископъ нарицаешися и мѣста высокаго сподобилси еси, еже ти смотрѣти опасно на вся люди, сущія подъ паствою твоею, и учити на благовѣріе... И о семъ зельнѣ болю душею, яко отдалъ еси паству свою волкомъ на расхищеніе, паче же церковь Божію въ поруганіе мятежникомъ“.—Понятно, что подобныя обличенія со стороны ревнителей самихъ архипастырей церкви, приравниваніе ихъ къ волкамъ и губителямъ своихъ пасомыхъ и самой церкви, естественно вызывали сильное раздраженіе и непріязнь со стороны высшей духовной власти. Но одними обличеніями и укоризнами по адресу архипастырей церкви, кружекъ ревнителей не ограничился. Благодаря сочувствію къ себѣ и поддержкѣ царя и близкихъ къ нему лицъ, кружекъ дѣлается постепенно крупною силою, начинаетъ оказывать очень замѣтное вліяніе и прямо давленіе на ходъ всѣхъ вообще церковныхъ дѣлъ, начинаетъ оказывать вліяніе на самое назначеніе митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ на царя чрезъ Стефана Вонифатьевича. Вслѣдствіе этаго руководство всею церковною

жизнію стало переходить въ руки кружка ревнителѣй, который фактически дѣлался управителемъ всей русской церкви. Понятно, что патріархъ и всѣ власти, которымъ по праву принадлежала инициатива во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ собственно должны были исходить всѣ церковныя мѣропріятія и постановленія, оказались стоящими въ сторонѣ, инициатива въ церковныхъ дѣлахъ стала ускользать изъ рукъ властей и переходить къ ревнителямъ, которые дѣлаются все смѣлѣе, энергичнѣе и требовательнѣе. Очень и очень непріятно должны были чувствовать себя власти, у которыхъ власть осязательно начинала ускользать изъ рукъ, и относительно которыхъ ревнители, состоявшіе въ значительной части изъ бѣлаго духовенства, часто не скупились на рѣзкія обличенія. Но особенно сильно долженъ былъ чувствовать это и сознавать самъ патріархъ, подъ бокомъ и на глазахъ котораго родилась и выросла эта враждебная ему и всѣмъ архіереямъ сила, грозившая окончательно отстранить его и всѣхъ властей отъ фактическаго управленія церковію. Тогда патріархъ Іосифъ рѣшился вступить въ борьбу съ ревнителями. Вопросъ о введеніи единогогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи и сдѣлался тѣмъ боевымъ вопросомъ, около котораго произошла рѣшительная борьба между патріархомъ и кружкомъ ревнителѣй, причемъ дѣло тутъ шло не только о единогогласіи, но и о томъ: кто побѣдитъ—партія-ли новаторовъ-ревнителѣй, съ Стефаномъ Вонифатьевичемъ во главѣ, или партія приверженцевъ старыхъ церковныхъ порядковъ, во главѣ которой открыто сталъ теперь патріархъ Іосифъ, поддерживаемый большинствомъ архіереевъ и приходскимъ духовенствомъ, недовольнымъ реформаторскими затѣями кружка. Почему изъ всѣхъ другихъ вопросовъ, поднятыхъ ревнителями, именно вопросъ о единогогласіи выдвинулся на первое мѣсто и сдѣлался боевымъ по преимуществу, это объясняется тѣмъ, что другіе вопросы, какъ, напримѣръ, о необходимости борьбы съ остатками язычества, съ распущенною жизнію бѣлаго и чернаго духовенства, ни въ комъ не возбуждали сомнѣній: ненормальность указанныхъ явленій и необходимость борьбы съ ними признавалась всѣми. Другое было съ вопросомъ о единогогласіи: тутъ возможны были, съ точки зрѣнія тогдашняго пониманія дѣла, и споры по этому вопросу, и борьба изъ за него.

Еще Стоглавый соборъ постановилъ: „псалмовъ бы и псалтыри вдругъ не говорили и каноновъ по два вмѣстѣ не канонархали, но по единому, занеже то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ; тако творити отцы отречено бысть“. Но не смотря на такое постановленіе Стоглаваго собора, „то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ“ продолжались по прежнему, по прежнему службы церковныя совершались разомъ нѣсколькими голосами: одинъ пѣлъ, другой въ это время читалъ, третій говорилъ эктеніи или возгласы, или читали сразу въ нѣсколько голосовъ и каждый свое особое, не обращая вниманія на другихъ, и даже стараясь ихъ перекричать. Всякая чинность, стройность, а также и всякая назидательность богослуженія, окончательно терялись — церковная общественная служба, при такихъ порядкахъ, не только не назидала, не научала, не настраивала на молитву предстоящихъ, но напротивъ: приучала ихъ относиться къ богослуженію чисто механически, безсмысленно, только внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго участія мысли и чувства. Многіе изъ народа стали смотрѣть на посѣщеніе церкви, какъ на одну формальность, и не только во время богослуженія держали себя крайне непристойно, что чуть-ли не сдѣлалось общимъ правиломъ, но и старались ходить въ тѣ именно церкви, гдѣ служба, ради многогласія, совершалась съ особою скоростію. Съ своей стороны духовенство, желая заманить въ свои храмы побольше народу, доводило скорость церковныхъ службъ до крайности, позволяя въ храмѣ читать единовременно голосовъ въ шесть и больше. Эти вопіющіе безпорядки въ церковномъ богослуженіи глубоко возмущали всѣхъ истинно благочестивыхъ людей, и по ихъ жалобамъ высшія церковныя власти предпринимали противъ злоупотребленій нѣкоторыя мѣры. Патріархъ Гермогенъ въ посланіи пишетъ: „повѣдаютъ намъ христіюлюбивые люди со слезами, а иніи писаніе приносятъ, а сказываютъ, что въ мірскихъ людяхъ, паче во священникахъ и иноческомъ чинѣ, вселися великая слабость и небреженіе, о душевномъ спасеніи нерадѣніе, и въ церковномъ пѣвнѣи великое неисправленіе. По преданію св. апостолъ и по уставу св. отецъ церковнаго пѣвнѣи не исправляютъ, и говорятъ-де въ голоса въ два, и въ три, и въ четыре, а индѣ и

въ пять—въ шесть. И то нашего христіанскаго закона чуже“.¹⁾ Въ 1636 году нижегородскіе священники въ своей челобитной патриарху Іосифу заявляютъ: „въ церквахъ, государь, зѣло поскору пѣніе, не по правиламъ святыхъ отецъ, ни наказанію васъ, государей, говорятъ голосовъ въ пять и шесть и болѣ, со всякимъ небреженіемъ, по скору. Экзапсалмы, государь, также говорятъ съ небреженіемъ не во единъ же голосъ, и въ тужъ пору и псалтырьи каноны говорятъ, и въ тужъ пору и поклоны творять невозбранно“²⁾. Подобныя церковныя нестроенія совершались и въ самой Москвѣ и по другимъ епархіямъ. Такъ патриархъ Іоасафъ, въ памяти тіуну Манойлову 1636 года, заявляетъ, что въ Москвѣ во всѣхъ церквахъ „чинится мятежь и соблазнъ и нарушеніе нашея святыя и православныя христіанскія непорочныя вѣры“, во всѣхъ церквахъ „зѣло по скору пѣніе Божіе, говорятъ голосовъ въ пять и шесть и больши, со всякимъ небреженіемъ“. Патриархъ запрещаетъ многосласіе, однако сейчасъ же дѣлаетъ и уступку въ пользу укоренившася злоупотребленія; „а въ церкви бы велѣти говорити, пишеть онъ, голоса въ два, а по нуждѣ въ три голоса, опрочѣ экзапсалмовъ, а экзапсалмы бы по всѣмъ церквамъ говорили въ одинъ голосъ, а псалтыри и каноновъ въ тѣ поры говорити отнюдь не велѣти“. Суздальскій архіепископъ Серапіонъ въ своемъ окружномъ посланіи 1642 года пишеть: „вѣдомо убо намъ, архіепископу, отъ многихъ извѣстися, что въ Суздаль и по всѣмъ городомъ нашея архіепископьи, въ соборныхъ и приходскихъ святыхъ Божіихъ церквахъ чинятца мятежи и соблазнъ и нарушеніе святыя нашея православныя христіанскія непорочныя вѣры, что въ святыхъ Божіихъ церквахъ зѣло по скору пѣніе Божіе, не по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ: говорятъ въ голосовъ въ пять и шесть и больши, со всякимъ небреженіемъ“. Въ виду этихъ злоупотребленій архіепископъ повелѣваетъ: „а въ церкви велѣти говорити голоса въ два, а экзапсалмы по всѣмъ церквамъ говорити въ одинъ голосъ, а псалтыри и каноновъ въ ту пору говорити отнюдь невелѣтъ“. Но такъ какъ злоупотре-

1) Сахарова: Исслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣніи.

2) Чт. общ. ист. и древи. 1902 г., кн. II, отд. IV, статья Н. В. Рождественскаго

требленія продолжали существовать по прежнему, то они по прежнему продолжали вызывать и горькія жалобы людей благочестивыхъ. Такъ, неизвѣстный въ челобитной къ патриарху Іосифу говорить: „вспомяну тебѣ, государь, и о бездушныхъ гласѣхъ — благовѣсты и звоны по обычаю церковному и по достоянію коегождо дне по чину содѣваются, первому другое послѣдуя, звонъ съ благовѣстомъ несмѣсно; царскаго же, государь, пѣнія обычай отъ многихъ небрегомъ и не по ряду совершается, яко же предаша намъ святіи отцы, ежебы первыхъ божественны сладости вкусивше, и другихъ совершенію святыя службы всѣмъ всякаго глаголемаго и чтомаго и поемаго словеси насыщаются; но точію, государь, именовъ утренняго времени зовется утренняя, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается же, государь, отъ многогласія въ церквахъ Божіихъ пѣніе образомъ неистоваго пьянства: къ начальному пѣнію другій поемлетъ и третій, даже и до пяти и шести гласовъ купно бываетъ. И еще, государь, бываемое, кто наречетъ святаго церковнаго устава обычай? Воистину государь, тѣмъ сводимъ на себе гнѣвъ Божій, а не милость“ ¹⁾. Біографъ Неронова говоритъ: „въ оная времена отъ неразумѣющихъ божественнаго ученія ввійде въ святую церковь смущеніе веліе, яко чрезъ уставъ и церковный чинъ не единогласно пѣваху, но въ гласы два, и три, и въ шесть церковное совершаху пѣніе, другъ друга неразумѣюще, что глаголетъ; и отъ самѣхъ священниковъ и причетниковъ шумъ и козлогласованіе въ церквахъ бываше странно зѣло: клирицы бо пояху на обоихъ странахъ псалтырь и иныя стихи церковныя, не ожидающе конца ликъ отъ лика, но купно вси кричаху; псаломникъ же прочитоваше стихи, не внимаая поемыхъ, вачинаше иныя, и не возможно быше слушающему разумѣти поемаго и читаемаго“ ²⁾. Нѣкто, называющій себя Агаеоникомъ, прислалъ суздальскому архіепископу Серапіону цѣлое обширное посланіе, съ цѣлію доказать необходимость введенія во всѣхъ церквахъ обязательнаго единогласія и необходимость уничтоженія укоренившагося у насъ многогласія. Послѣ небольшого вступленія, съ выраженіемъ почтенія къ архіепископу и своего недостойн-

1) Наша книга: Патр. Никонъ, приложение.

2) Мат. т. I.

ства, послѣ укоровъ архіепископу за его нерадѣніе въ борьбѣ съ приверженцами многогласія, которые, какъ волки, расхищаютъ его паству, производятъ церковный раздоръ, авторъ спрашиваетъ: „кто сіе устави единоголасное и благочинное пѣніе—повѣждь ми?“ И отвѣчаетъ: „не инъ бо кто сіе устави, но иже восшедый до третьяго небесе, Павелъ Апостоль, яко же рече: нынѣ же братія, аще прииду къ вамъ языки глаголюй, кую вамъ пользу сотворю, аще вамъ не глаголю или во откровеніи, или въ разумѣ, или въ пророчествіи, или въ наученіи“... и ссылаясь на толкованіе этихъ словъ Апостола Златоустомъ, говоритъ: „такое и мы, святыи владыко, во святыхъ Божіихъ церквахъ, егда въ два гласа и въ три и четыре вдругъ говоримъ вси, которая польза будетъ слышающимъ? всюду неполезное будетъ, яко же Златоустый глаголетъ здѣ и Павелъ Апостоль. Слыши святыи владыко, како Апостоль Павелъ, Златоустъ бесполезное показываютъ пѣніе „съ безчиніемъ бываемое“... Приводя другія мѣста изъ Апостола Павла и толкованія на нихъ Златоуста, говоритъ: „вонми святыи владыко Апостола гласу, яко бѣснующихся являетъ быти всѣхъ глаголющихъ вдругъ; не явѣли мы, егда въ гласа въ два, и въ три, и въ четыре, и въ пять, овогда и въ шесть и въ седмъ, неточію невѣрніи, но и вѣрный, благочестіе и благочиніе церковное любяи, неречетъ-ли намъ — бѣснуемъ? ей посмѣется сему нашему бѣснованію“. Снова приводя слова Апостола Павла и толкованіе Златоуста, говоритъ: „видиши-ли владыко святыи, како Павелъ Апостоль и Златоустый Іоаннъ къ пользѣ вся творити повелѣвають, и къ созиданію ближняго и исправленію; кая же польза получитьи предстоящимъ въ церкви людемъ во время божественнаго пѣнія, егда въ гласа два или три и множае вдругъ говорятъ,—никако ничесого, точію шумъ всеу, и безъ пользы, и пагуба съ великимъ грѣхомъ“. И опять приводя слова Ап. Павла и толкованія Златоуста, говоритъ, что онъ „повелѣ явно вездѣ по вселеннѣи во всѣхъ церковныхъ святыхъ, пѣти единымъ гласомъ, вниманія и созиданія ради слышати хотящихъ слова Божія въ пользу себѣ, да не безъ плода отъ церкви отъидуть“. Ссылаясь затѣмъ, въ подтвержденіе необходимости единоголасія на Григорія Богослова, авторъ, обращаясь къ архіепископу, говоритъ: „что же святителю Божій къ симъ? Аще сихъ свидѣтелей не требуемъ,

или не преемлемъ, глаголющихъ правая и истинная о Христѣ и о догматѣхъ, то убо тща и вѣра наша, обрѣтаютъ жеся и лжесвидѣтели Божія Апостоли, яко послушествоваше на Бога, яко воскреси Христа, Его не воскреси; и умершии о Христѣ и о догматѣхъ—погибоша; аще въ животѣ семъ уповающе есмы въ Христа точію,—окаяннѣйши всѣхъ человекъ есмы; и евангельская проповѣдь и апостольская преданія, и правила святыхъ и богоносныхъ отецъ будутъ ложны и не истинны, тако же и уставы церковныя; то убо нынѣшнихъ мятежниковъ и раскольниковъ церковныхъ уставы добры? Ни, не буди тако. Вся сія бляди суть суетословцовъ и своевольниковъ, якоже Златоустъ глаголетъ, зане по своему ихъ любоначалию сія глаголющимъ, и творящимъ во святыхъ церквахъ еретическій сей шумъ, а любоначалие мати есть ересямъ, якоже Златоустый глаголетъ. Буди намъ послѣдовати и творити по преданію святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ правиломъ, и по церковнымъ уставомъ, еже въ пользу себѣ и всему православному христіанству, а еретическихъ блядей и богопротивныхъ всячески ошаяватися и отметати ихъ“. Авторъ заявляетъ, что за единогласіе говорятъ не только указанные имъ святые мужи, но и московскій Стоглавыи соборъ, постановленіе котораго о единогласіи онъ и приводитъ, а также и московскій патріархъ Гермогенъ, „новый исповѣдникъ“, также боровшійся съ многогласіемъ; и затѣмъ, обращаясь къ архіепископу, говоритъ: „поминай святителю Божій Златоустаго слово, яко рече: да не убо ми речеши, яко пресвитеръ согрѣшилъ есть, ниже яко діаконъ: всѣхъ сихъ на главу хиротонисавшихъ вины переходять“. Въ заключеніе своихъ разсужденій и доказательствъ въ пользу безусловной обязательности для всѣхъ единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи, авторъ приходитъ къ такому выводу, что „всею силою и мощію должны суть архіепископи и епископи имѣти стражбу о освященныхъ кононѣхъ божественныхъ правилъ, поручено бо есть имъ твердо соблюдать я, да ничто отъ нихъ преступаемое и забытіемъ преминуемо, ни изысканіемъ оставляемо, во онъ день въ мукахъ онѣхъ изыскано будетъ: хранящіи бо священныя каноны Владыки Бога сподобляются, сія же преступающіи, въ конечное осужденіе себѣ влагаютъ. Божественнымъ канонемъ несохраняемымъ, различна преступления бывають, отъ тогоже Божій

гнѣвъ на насъ сходитъ, и многія казни, и послѣдній судъ. Тому сему повинни суть святители, не бляще, не стрегуще винограда, еже есть церковь, но препущающе во обиду по нѣкоей страсти, или по неразумію небоязны вышняго страха, иже суть клялися сохранить и судьбы закона и правды Божіа,—горекъ судъ таковымъ и подѣломъ воздаяніемъ будетъ. Бога ради, молимъ тя, святителю Божій, со всѣми, иже Бога любящими, во еже силою Святаго Духа, по богоизбранномъ народѣ твоя паствы, пачеже о душахъ ихъ, поболѣти и руку подати требующимъ и исцѣлити братію, погибнути хотящихъ, и во единое собрати разстоящіяся уды, исправить же согрѣшеніе, дондеже время настоитъ, яко да многимъ странамъ подашь подобающе согласіе, еже убо безмѣстіе худыхъ чловѣкъ погубити возношеніе, занеже се и Владыцѣ всѣхъ благоугодно и вышши всякія молитвы“ 1).

1) Агаѳоникъ, авторъ посланія къ суздальскому архіепископу о единогласіи, былъ москвичъ, а не суздалецъ. Это видно изъ слѣдующихъ его словъ: „якоже и въ нынѣшнее настоящее время и у насъ на Москвѣ въ мірскихъ церквахъ“.. Онъ былъ не архіерей, а священникъ, потому что, говоря о священникахъ, выражается: „миѣ подобни“, и особенно изъ заключительныхъ словъ посланія, гдѣ авторъ называя себя худоумнымъ, „рабски творя метаніе къ стопамъ честныхъ ногъ“ архіепископа, заявляетъ, что хотя „николиже бо, святителю Божій, оца пастыремъ не бываетъ, ниже заяцъ лъву“, но въ надеждѣ на доброту святителя рѣшился писать къ нему. Кто былъ Агаѳоникъ, не знаемъ, такого лица не встрѣчается между извѣстными намъ тогдашними московскими дѣятелями. Предполагаемъ, что это посланіе къ Серапіону было написано или самимъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, или кѣмъ либо другимъ по его порученію, и разсылалось потомъ отъ его лица тѣмъ архіереямъ, отъ которыхъ Стефанъ ожидалъ сочувствія его заботамъ о введеніи единогласія. Къ числу такихъ сочувствующихъ, но нерѣшительныхъ архіереевъ, принадлежалъ и Серапіонъ. Это видно изъ того, что посланіе, съ одной стороны, замѣчаетъ, будто Серапіонъ, какъ слышно, не заботился о введеніи въ церквахъ единогласія; съ другой—въ посланіи говорится: „твое же, святителю Божій, похваляю съ радостію Христова подражательство по Христвъ и по церкви, и хвалу Богу воздаю, яко подкрѣпляеши церковниковъ на благочинное и боголюбезное единогласное цѣніе во святыхъ Божіихъ церквахъ, вниманія ради и пользы предстоящихъ православныхъ народовъ“. Очевидно, Серапіонъ поощрялъ церковниковъ къ единогласію только частнымъ образомъ и не рѣшался открыто признать его обязательнымъ. Что это посланіе могло быть прислано Серапіону Стефаномъ Вонифатьевичемъ, думать такъ даетъ право самый характеръ посланія. Оно рассчитано убѣдить Серапіона, что единогласіе основывается на св. Писаніи, на ученіи великихъ отцовъ церкви, на требованіи и поставленіи рус

Но многогласіемъ въ чтеніи и пѣніи, одновременностію чтенія и пѣнія, дѣло не ограничивалось, злоупотребленія и

скаго Стоглаваго собора, на предписаніи русскаго первосвятителя и страдальца патріарха Гермогена Наоборотъ многогласіе является нарушеніемъ яснаго ученія Христа, Апостоловъ, св. отцовъ, постановленій соборныхъ, и въ самой русской церкви представляетъ изъ себя недавнее явленіе, особенно разившееся и окрѣпшее только въ смутное время Многогласіе представляетъ изъ себя „уставы нынѣшнихъ мятежниковъ и раскольниковъ церковныхъ“ „еретическій шумъ“ „поругательство Богу и второе Христораспинаніе, тѣла Его раздираніе“. Такъ писать о многогласіи было вполнѣ естественно горячему ревнителю единогласія — Стефану. Составитель посланія, называя себя „и худшимъ и сквернѣйшимъ и всѣхъ окаяннѣйшимъ“, будучи только священникомъ, пишетъ однако къ архіерею съ большою властію и прямо, за вѣрѣніе о введеніи единогласія, выражаетъ архіепископу свое порицаніе. „Или мниши убѣжати суда Божія?“ спрашиваетъ онъ Серапіона, и сурово напоминаетъ ему, что такіе нерадивые архіереи называются въ Писаніи не пастырями, а волками О себѣ, какъ силу и авторитетъ имѣющей, авторъ говоритъ: „и о семъ *зельнѣ болѣ душою*, яко отдалъ еси паству свою волкомъ на расхищеніе, пачеже церковь Божию въ поруганіе мятежникомъ“. Очевидно писавшій хорошо зналъ, что архіепископъ обратитъ должное вниманіе „на зельное болѣніе душею“ писавшаго и не отнесется къ этому заявленію автора съ пренебреженіемъ, или полнымъ индиферентизмомъ, какъ бы это могло быть, если бы авторъ не былъ сильный и вліятельный человекъ въ Москвѣ. Только Стефанъ Вонифатьевичъ могъ такимъ тономъ писать архіепископу: „всею силою и всею мощию должны суть архіепископи и епископи имѣти стражду о священныхъ канонахъ божественныхъ правилъ, поручено бо есть имъ твердо соблюдать я.“ Изъ словъ автора: „николи же бо, святителю Божій, овца пастыремъ не бываетъ, ниже заяць — лъву; но вѣдая твое, святителю Божій, ко мнѣ нищему милостивное права человекѣлюбнаго, дерзяхъ извѣстити и на память ти привести“, видно, что авторъ—москвичъ, тично хорошо былъ знакомъ съ архіепископомъ и пользовался его расположеніемъ, которое и ободрило его обратиться къ архіепископу съ посланіемъ о единогласіи. Нельзя не замѣнить и того, что еслибы авторъ посланія былъ заурядный москвичъ ревнитель, то зачѣмъ бы онъ сталъ съ своими разсужденіями и доказательствами въ пользу единогласія обращаться къ архіепископу суздальскому, когда онъ могъ направить свое посланіе прямо къ патріарху, или даже къ государю, какъ это и дѣлали обыкновенно всѣ московскіе ревнители. Иное дѣло Стефанъ Вонифатьевичъ. У него уже вышло (о чемъ скажемъ ниже), по вопросу о единогласіи, столкновеніе съ патріархомъ Іосифомъ, онъ зналъ, что для рѣшенія этого вопроса будетъ собранъ парочитый соборъ, и онъ сталъ стараться найти среди архіепископовъ такихъ, которые бы, убѣжденные его посланіемъ, открыто стали на сторону единогласія. Въ лицѣ суздальскаго архіепископа онъ, очевидно, хотѣлъ приобрести себѣ сторонника въ вопросѣ о введеніи единогласія. Наконецъ нельзя не обратитъ вниманія и на то обстоятельство,

безпорядки шли далѣе, простирались на самый характеръ церковнаго пѣнія. Біографъ Неронова говоритъ, что въ то время въ церквахъ „пояху рѣчи не яко писани суть, но измѣняюще реченія ради козлогласованія своего, воспріемше обычай древнихъ безчинниковъ, и вмѣсто ежебы глаголати: Богъ, Христосъ, Спасъ, ови пояху: Бого, Христосо, Спасо и прочія рѣчи измѣняюще, яко нынѣ странно зѣло слышати“: Инокъ Евфросинъ въ 1651 году писалъ: „Духъ Святый повелѣваетъ бѣ пѣти не просто, но разумно, сирѣчь не шумомъ, ниже украшеніемъ гласа, но знати бы поемое самому поющему, и послушающимъ того пѣнія разумъ рѣчей мощно бы вѣдати, а неточію гласъ украшати, о силѣ же глаголь, небреши... Въ пѣніи бо нашемъ точію гласъ украшаемъ и знаменныя крюки бережемъ, а освященныя рѣчи до конца развращены противу печатныхъ и письменныхъ древнихъ и новыхъ книгъ, и неточію развращены, но и словенскаго нашего языка, въ немъ же родихомся и священнымъ писаніямъ учихомся, чюжи, не свойственны и сопротивны. Гдѣбо обрщется во священномъ писаніи нашего природнаго словескаго діалекта сичевны, несогласныя рѣчи: сопасо, пожеру, вомонѣ, тѣмено, имои, востѣни, волаемо, иземи, людеми, сонѣдаяи и прочія таковыя странныя глаголы, ихже множество невозможно нынѣ подробно исчести“¹⁾.

что это посланіе Стефана къ архіепископу Серапіону находится въ тѣсной связи съ извѣстной челобитной государю патриарха Іосифа (она напечатана въ приложеніи къ нашей книгѣ Патр Никонъ) на Стефана Вонифатьевина, въ которой Іосифъ отъ лица всего собора жаловался государю, что Стефанъ говорилъ, „будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня, богомльда твоего, называлъ волкомъ, а не пастыремъ; такожъ называлъ и насъ, богомольцевъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископа. и весь освященный соборъ бранными словами, и волками и губителями, и тѣмъ безчестилъ“. Въ посланіи къ Серапіону архіереи, за допущеніе многогласія, и приравниваются именно къ волкамъ и губителямъ, отдающимъ свою часть волкамъ на расхищеніе, а церковь Божію въ поруганіе мятежникамъ — многогласникамъ, причемъ самое многогласіе, защищаемое патриархомъ Іосифомъ и его соборомъ, называется расколомъ, еретическимъ шумомъ, вторымъ христосрапаніемъ и под (Посланіе къ сурдальскому архіепископу Серапіону о единомъ гласіи, находится въ рукописномъ сборникѣ библиотеки московской духовной академіи, № 100, л т 321—341)

1) Бычкова Описъ рукоп. сборниковъ импер публ библи № XXIII. Описъ рукоп Хлудова № 91 Сахарова: Изстѣд о русс. церк пѣснопѣніи.

Глава кружка ревнителей, Стефанъ Вонифатьевичъ, рѣшительно возсталъ противъ многогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи и рѣшился всюду ввести единогласіе. Вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Ртищевымъ они стали дѣйствовать на царя, который охотно примкнулъ къ нимъ, выполнѣ раздѣляя ихъ воззрѣнія на единогласіе. Тогда Стефанъ и Ртищевъ „первое оставиша въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе“, а потомъ, посовѣтовавшись между собою, при поддержкѣ государя, вызвали изъ Нижняго Новгорода извѣстнаго Іоанна Неронова и сдѣлали его протопопомъ московскаго Казанскаго собора. Нероновъ немедленно ввелъ въ своемъ соборѣ единогласное пѣніе и чтеніе. Къ нимъ скоро примкнулъ, въ этомъ дѣлѣ, и новоспасскій архимандритъ Никонъ, впослѣдствіи патріархъ, который, по словамъ Шушерина, и сдѣлался Стефану „въ томъ богоспасаемомъ дѣлѣ велиій поборникъ и помощникъ“. Затѣмъ, по примѣру Стефана и Неронова, за единогласіе дружно стали и провинціальныя ревнители: Аввакумъ, Лазарь и другіе.

Настойчивыя и энергичныя усилія кружка ревнителей ввести въ приходскихъ московскихъ церквахъ единогласіе, и очевидное ихъ стремленіе распространить его на всю церковь, вызвали сильное возбужденіе и недовольство среди громаднаго большинства приходскаго духовенства, которое увидѣло въ единогласіи зловредное новшество, чуть не ересь, и готово было открыто и рѣшительно возстать противъ него. Этимъ возбужденіемъ приходскаго духовенства, и въ значительной мѣрѣ самихъ прихожанъ, воспользовался патріархъ Іосифъ, чтобы подвести свои счеты съ ненавистнымъ ему, зазнавшимся кружкомъ ревнителей, состоящимъ исключительно изъ лицъ низшей церковной іерархіи и не имѣвшимъ въ средѣ своей ни одного архіерея. Патріархъ сталъ во главѣ противниковъ единогласія ¹⁾.

¹⁾ Что приходское духовенство и въ самой Москвѣ, было рѣшительно противъ единогласія, готово было видѣть въ немъ даже еретичество, новую вѣру, и всячески стонло за многогласіе, на это имѣются несомнѣныя данныя. Въ 1651 году гавриловскій попъ Иванъ извѣщалъ государя „говорилъ де ему никольскій попъ Прокофей, гдѣ съ нимъ не сойдегца заводите-де вы, ханжи, ересь новую — единогласное пѣніе и людей въ церкви учите, а мы-де людей прежде сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ. И говариваль-де ояъ попъ Прокофей: бѣса-де въ себѣ имате и вы всѣ ханжи. . и протопопъ де благовѣщенскій (Стефанъ

На первый взглядъ можетъ показаться очень страннымъ: какимъ образомъ патріархъ Іосифъ могъ защищать много-

Вонифатьевичъ) такой же ханжа: сказалъ де онъ: Господа Саваова видѣль, и онъ де бѣса видѣль, а не Бога. А Бога-де кто можетъ видѣти во плоти? И другіе московскіе священники сильно были возмущены введеніемъ единогласія и требованіемъ отъ нихъ учительства,—они шумѣли и не хотѣли подписываться подъ требованіемъ объ обязательномъ введеніи единогласія въ приходскихъ церквахъ. Тотъ же попъ Иванъ заявлялъ, что 11 февраля, въ сѣняхъ московской тѣнской избы, былъ сильный крикъ: „лукинскій попъ Сава съ товарищи говорилъ такія рѣчи. мнѣ-де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать, напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи бояромъ и окольничимъ,—любо-де имъ будетъ единогласіе?“ И когда попъ Иванъ сталъ говорить противящимся единогласію; что они не могутъ презирать изволеніе Божіе, уставъ св отецъ, повелѣніе государя и патріарха, то получилъ такой отвѣтъ отъ шумѣвшихъ іереевъ: „намъ-де хотя и умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать“. Въ тоже время какой-то попъ Андрей говорилъ: „чтобъ ему съ казанскимъ протопопомъ (Пероновымъ) въ единогласномъ пѣвнѣ дали жребій, и будетъ его вѣра права, и они-де всѣ учнутъ пѣть (единогласно) и говорить (поученія)“. (Зап. русс археол общ т. II, стр. 394—396). И значительно позже послѣ собора 1651 года, сдѣлавшаго единогласіе обязательнымъ, оно еще долго однако не могло привиться въ приходскихъ церквахъ и даже въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Въ 1658 году вологодскій архіепископъ Маркелль пишетъ на Бѣлоозеро протопопу Авраамію о наблюденіи имъ, „чтобы въ церкви Божіи всякое пѣніе пѣли и говорили единогласно“ (Ак. Эксп. IV. № 105). Въ 1660 году въ царской грамотѣ ко всему новгородскому духовенству предписывается, „чтобъ во всѣхъ церквахъ Божіихъ церковное пѣніе было единогласно, со страхомъ Божіимъ“ (Ibid и № 115). Въ 1661 году новгородскій митрополитъ Макарій, въ грамотѣ къ архимандриту Тихвинскаго монастыря Іоасафу, писалъ, что ему вѣдомо учинилось, „что на Тихвинѣ на посадь и около Тихвина въ новгородской десятинѣ“, въ монастыряхъ и погостахъ, „поютъ и говорятъ не единогласно“, почему-де и слѣдуетъ сдѣлать духовенству строгій наказъ, „чтобъ пѣли и говорили по всѣмъ Божіимъ церквамъ единогласно, а не во многіе гласы“ (Ак Ист. IV, № 151) Въ 1671 году новгородскій митрополитъ Питиримъ требуетъ, чтобы въ церквахъ „пѣли и говорили единогласно“ (Ак Эксп. IV, № 184) Тотъ же митрополитъ Питиримъ въ слѣдующемъ 1672 году заявляетъ, что ему вѣдомо учинилось, „что на Вагѣ, въ Шенкурскомъ острогѣ и во всей важской десятинѣ, во всѣхъ четырехъ четвертяхъ, по монастыремъ у игуменовъ, и у строителей, и у черныхъ поповъ съ братьею, а по погостамъ и по выставкамъ у поповъ и у дьяконовъ и у церковныхъ причетниковъ, по святымъ Божіимъ церквамъ, многое церковное неисправленіе—поютъ и говорятъ не единогласно“. (Ibid. IV, № 188) Въ 1687 году, въ наказъ новгородскаго митрополита Корнилія завѣдующему тѣнскимъ приказомъ, священнику Никитѣ Тихонову, говорится, что онъ

гласіе—сіе безстрашіе и нерадѣніе о церковномъ пѣніи“, „то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ“; ка-

долженъ наблюдать, чтобы „во святыхъ церквахъ пѣли бы и говорили единогласно, а не въ два и три гласы“ (Ак. Ист V, № 152)

Приходское духовенство, съ своей стороны, имѣло очень уважительныя причины противиться введенію единогласія и отстаивать старое привычное для прихожанъ многогласіе 11 го февраля 1651 года, какъ мы видѣли, лукивскій попъ Савва съ товарищи говорилъ такія рѣчи: „мнѣ-де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки неприкладывать; напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи Божромъ и окольничимъ. любо-ли-де имъ будетъ единогласіе?“ Это безпокойство приходскаго духовенства о томъ, какъ прихожане, особенно знатные, богатые и вліятельные, отнесутся къ введенію единогласія, очень сильно удлинявшаго всѣ церковныя службы, тогда какъ ранѣе благодаря многогласію, прихожане привыкли къ службамъ очень короткимъ, вытекло изъ опасенія, что между духовенствомъ и прихожанами, изъ за продолжительныхъ службъ, могутъ произойти очень непріятныя недоразумѣнія и даже открытыя столкновенія, далеко не всегда безвредныя для вводителѣй въ церквахъ единогласія Протопопу Аввакуму, напримѣръ, сильно доставалось отъ прихожанъ за введенное имъ въ службахъ единогласіе Многогласное пѣніе и чтеніе, говорить оны, „лестъ сію молитву я предъ Богомъ вмѣняю Того ради такъ (многогласно) говорятъ, чтобы иамъ изъ церкви скорѣе вытти. Меня и самово за то (единогласіе) бывали и гомя и безумніи: долго де поешъ единогласно! Намъ-де дома недосугъ! Я имъ говорю: пришель ты въ церковь молиться, отверзи отъ себя всякую печаль житейскую, ищи небесныхъ! О человѣче суетнѣ! Невозможно окомъ единѣмъ глядѣть на землю, а другимъ на небо, такоже сластемъ и страстемъ работати. Такъ меня за тѣ словеса въ церкви бьютъ, да волочатъ, а иныя и въ ризахъ не щадятъ“. (Мат. V, 222 — 223) Когда Нерововъ прибылъ въ ссылку въ Каменскій монастырь, то, доброжелательно сначала встреченный настоятелемъ и братіей, немедленно принялся вводить здѣсь новыя церковныя порядки: единогласіе, истовость въ отправленіи службъ, чтеніе всѣхъ положенныхъ поученій и житій, что крайне удлинило монастырскія службы. Настроеніе братіи и настоятели къ Неровову скоро измѣнилось и сдѣлалось враждебнымъ. Одинъ старецъ сталъ говорить: „какъ-де пріѣхалъ протопопъ Іоаннъ, такъ-де и пѣніе стало большое, и свѣчамъ-де большой расходъ“. Наконецъ иноки открыто возстали противъ ревнителя точнаго, истоваго соблюденія всѣхъ предписаній устава, къ нимъ присоединился и архимандритъ, который однажды „емъ Іоанна за власы, по трапезѣ влачаше, и рукама по щекамъ бѣяше время довольно“. (Мат I, 113—115). Сибирскій и тобольскій архіепископъ Симоиѣ пишеть государю въ челобитной: „въ прошломъ, государь, въ 161 году, въ Сибири, въ Красной слободѣ (Тюменскаго уѣзда), московскій прикащикъ Прокоепъ Протопоповъ священника билъ до полусмерти ослопы за церковное единогласное пѣніе: велить пѣть по своему угодію во многіе голоса, и налогу тому священнику большую чинить, и жену ево билъ

кимъ образомъ патріархъ могъ возстать на защиту многогласія, столь очевидно представляющаго изъ себя вопіющее злоупотребленіе, ни подъ какимъ видомъ недопустимое и не терпимое въ церкви? Между тѣмъ, съ точки зрѣнія тогдашняго пониманія дѣла, Іосифъ имѣлъ свои серьезныя основанія бороться противъ единогласія и отстаивать многогласіе.

Русскіе того времени были убѣждены, что при совершеніи всѣхъ церковныхъ службъ необходимо вычитать и пропѣть безъ всякихъ пропусковъ все, что положено въ церковномъ уставѣ, который однако взятъ былъ нами изъ восточныхъ самыхъ строгихъ монастырей, и введенъ былъ у насъ въ

до полусмерти“ И когда архіепископъ, призвавъ къ себѣ Прокопія сталъ выговаривать ему за его побой священнику, „и онъ, Прокопей, и ко мнѣ обезстыдился,—отказывалъ мнѣ невѣжливыми словами: гдѣ-де вамъ—ханжамъ! Нынѣ не старое время! И не у тебя-де я подъ судомъ“. (Рук. Старина, 1892 г., мартъ, стр 678) Очевидно священникамъ, сторонникамъ и вводителемъ въ своихъ церквахъ единогласія, приходилось иногда отъ прихожанъ очень плохо, и они имѣли всѣ основанія не подписываться къ приказу о введеніи единогласія прежде, чѣмъ къ нему неподпишутся бояре и окольничіе, а въ другихъ мѣстахъ вообще люди сильные и властные. Да если гдѣ священниковъ и не били за введеніе единогласія, за то прихожане, какъ свидѣтельствуетъ соборное постановленіе, отъ 11-го февраля 1649 года, просто переставали ходить въ тѣ церкви, гдѣ службы, ради единогласія, совершались очень долго. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, священники необходимо лишались очень многихъ доходовъ, а это, конечно, сильно побуждало ихъ крѣпко держаться за старое привычное многогласіе.

Наконецъ и безъотносительно къ прихожанамъ и доходамъ, для очень многихъ членовъ тогдашняго клира, единогласіе являлось крайне нежелательнымъ по той простой причинѣ, что значительная часть тогдашнихъ клириковъ была малограмотна, неумѣла хорошо читать и пѣть. Такимъ, при многогласіи, было очень удобно, такъ какъ стояшіе въ церкви, ради многогласія, рѣшительно не имѣли возможности разобрать, кто, что и какъ читаетъ и поетъ, почему всякое сомнительное чтеніе и просто неразборчивое бормотанье по церковной книгѣ полуграмотнаго чтеца, могло сходить за настоящее чтеніе. Иначе стояло дѣло при единогласіи и соединенной съ нимъ истовости службы, когда каждый стоящій въ церкви могъ понять и оцѣнить всякаго чтеца и пѣвца, тутъ безграмотному клирику скрыться за другихъ становилось невозможнымъ, почему безграмотность клира и держалась упорно за многогласіе. Очевидно единогласіе не замѣтно предъявляло новыя, повышенныя нѣсколько требованія къ умѣнью клира пѣть и читать въ церкви, что и вызывало среди малограмотныхъ клириковъ противодѣйствіе единогласію.

обыкновенныхъ приходскихъ церквахъ. Благодаря этому обстоятельству службы въ приходскихъ храмахъ, при вычитываніи и выпѣваніи всего положеннаго строгимъ монастырскимъ уставомъ, выходили чрезмѣрно длинными и крайне утомительными для прихожанъ, которые, при такихъ условіяхъ, неохотно посѣщали церковныя службы, какъ очень обременительныя для нихъ и требующія слишкомъ много времени. Практическая повелительно настоятельная нужда требовала сокращенія церковныхъ службъ въ приходскихъ церквахъ. Тогда наши предки, для достиженія этой, самой жизнію подсказанной цѣли, прибѣгли къ такому средству: оставаясь вѣрными тому своему воззрѣнію, что весь церковный уставъ обязательно долженъ выполняться при совершеніи всѣхъ церковныхъ службъ, они стали употреблять многогласіе т. е. прибѣгли къ единовременному пѣнію положеннаго уставомъ въ нѣсколько голосовъ сразу, причемъ одинъ читалъ и пѣлъ одно, другой въ этоже время другое, третій свое и т. д., благодаря чему церковныя службы отправлялись очень скоро, а между тѣмъ все положенное уставомъ выпѣвалось и вычитывалось вполнѣ и безъ всякихъ пропусковъ. Понятно, чѣмъ наибольшее количество голосовъ раздѣлялось положенное для данной службы чтеніе и пѣніе, тѣмъ скорѣе отправлялась служба, почему, въ видахъ скорости, стали употреблять въ службахъ пѣніе и чтеніе сразу голосовъ въ пять, шесть и семь. Но такое многогласіе, въ видахъ необходимаго сокращенія времени службъ, допускалось только для приходскихъ церквей, ради немощи мірскихъ людей, ради снисхожденія къ ихъ житейскимъ заботамъ, недозволяющимъ удѣлять имъ слишкомъ много времени на посѣщеніе церковныхъ богослуженій. Другое дѣло монастыри, населенные людьми, отрекшимися отъ всего мірскаго, обязавшимся посвятить себя всецѣло служенію Богу, непрестанной молитвѣ; тамъ строго требовалось соблюденіе единогласія и долгія службы были обязательны. Полагалось, если кто изъ мірскихъ хотѣлъ слушать настоящую истовую службу, тотъ долженъ былъ отправляться на богомолье въ монастырь, почему благочестивые русскіе люди и считали себя обязанными, времени отъ времени, посѣщать ради богомолья монастыри, чтобы хотя изрѣдка помолиться какъ слѣдуетъ, выстаявая всѣ длинныя монастырскія службы.

Естественно поэтому, что когда ревнители благочестія, указывая на полное извращеніе характера и значенія церковныхъ службъ многогласіемъ, на весь вредъ подобныхъ церковныхъ порядковъ для молящихся, необходимо ничего не понимавшихъ изъ того, что читалось и пѣлось въ церкви, и потому составлявшихъ о самомъ богослуженіи и его цѣли и назначеніи, самое неправильное и извращенное понятіе,—когда они потребовали уничтоженія многогласія и введенія единогласія; то самъ собою возникъ практической и, нужно сознаться, очень важный вопросъ: какъ отзовется введеніе единогласія на посѣщеніи храмовъ народомъ, когда приходскіе службы удлинятся чрезмѣрно? Вѣдь и сторонники единогласія, также какъ и сторонники многогласія, требовали при совершеніи службъ полного соблюденія всѣхъ предписаній устава, даже вводили еще въ богослуженіе разныя положенныя чтенія изъ прологовъ, житій святыхъ, отеческихъ поученій, чѣмъ необходимо крайне удлинляли всѣ службы, приближая ихъ къ монастырскимъ. Никакихъ выпусковъ и сокращеній въ службахъ они не допускали; напротивъ они все совершали по уставу, очень истово, точно, безъ малѣйшихъ опущеній. Мы знаемъ, какъ такія истовыя, уставныя службы единогласниковъ должны были отзываться на молящихся во храмѣ. Павелъ Алепскій вотъ что пишетъ объ этихъ нашихъ церковныхъ службахъ: мы выходили изъ церкви, говоритъ онъ, едва волоча ноги отъ усталости и безпрерывнаго стоянія безъ отдыха и покоя... Что касается насъ, то душа у насъ разставалась съ тѣломъ, отъ того что они затягиваютъ обѣдни и другія службы: мы выходили не иначе, какъ разбитые ногами и съ болью въ спинѣ, словно насъ распинали... Мы не въ состояніи (послѣ богослуженія) были придти въ себя отъ усталости и наши ноги подкашивались“. Павелъ искренно изумляется необыкновенной выносливости русскихъ, выстаивавшихъ чрезмѣрно длинныя службы. „Что за крѣпость въ ихъ тѣлахъ и какія у нихъ желѣзныя ноги! восклицаетъ онъ. Они не устаютъ и не утомляются. Вышній Богъ да продлитъ ихъ существованіе!.. Какое терпѣніе и какая выносливость! Несомнѣнно, что всѣ эти люди святые: они превзошли подвижниковъ въ пустыняхъ. Мы же вышли (изъ церкви) измученные усталостію, стояніемъ на ногахъ и голодомъ“. „Всего больше, заявляетъ онъ, боялся я и хло-

поталъ объ отъѣздѣ (изъ Москвы) до Пасхи, что бы избавиться отъ бдѣній, трудовъ и стояній Страстной седмицы“ 1).

Такимъ образомъ единогласіе, истовость въ совершеніи церковныхъ службъ, введеніе въ нихъ чтеній изъ разныхъ учительныхъ книгъ, несомнѣнно не только измѣняло привычный для прихожанъ строй богослуженія, но, что особенно важно, оно чрезмѣрно удлиняло всѣ церковныя службы, дѣлало ихъ очень утомительными и обременительными для обыкновенныхъ молящихся, которые, не имѣя возможности удѣлять на нихъ слишкомъ много времени и силъ, предпочитали вовсе не ходить въ церковь. Вотъ именно на это-то практическое послѣдствіе введенія единогласія и обратилъ свое вниманіе патріархъ Іосифъ. Если сторонники единогласія говорили и проповѣдывали, что многогласіе губитъ истинное благочестіе и уничтожаетъ назидательность церковныхъ богослуженій; то противники единогласія говорили наоборотъ, что именно единогласіе губитъ народное благочестіе, такъ какъ оно совсѣмъ отучаетъ народъ отъ посѣщенія церкви и вопросъ, значить, въ представленіи современниковъ, сводился въ концѣ собственно къ слѣдующему: что лучше въ интересахъ благочестія: ходить-ли часто въ церковь и почти вовсе не понимать того, что въ ней поется и читается, или же, ради чрезмѣрной продолжительности церковныхъ службъ, посѣщать ихъ очень рѣдко? Патріархъ Іосифъ, вопреки ревнителемъ, сталъ на сторону умѣреннаго многогласія и рѣшительно выступилъ противъ пагубнаго, по его мнѣнію, единогласія, которое должно имѣть мѣсто въ монастыряхъ, а не въ приходскихъ церквахъ 2). На почвѣ этаго спорнаго вопроса и произошло рѣшительное столкновеніе патріарха Іосифа съ Стефаномъ Вонифатьевичемъ.

Государь въ 1649 году приказалъ патріарху Іосифу устроить

1) Путеш. антiox. патр. Макарія, перев. Муркоса, вып. II, стр. 100 164; вып. III, стр. 185, 194; вып. IV, стр. 85, 161

2) Что патріархъ Іосифъ допускалъ многогласіе только въ приходскихъ церквахъ, а въ монастыряхъ требовалъ единогласія, это видно изъ его грамоты въ Саввинъ монастырь въ 1648 году, гдѣ онъ пишетъ. „архимандриты, и игумены, и попы черные, и строители и старцы о церковномъ пѣніи и благочиніи нерадѣють.. въ церквахъ Божіихъ *поютъ по скору, неединогласно, со всякимъ безстрашїемъ*“. (Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ—Иванова; стр. 302 Ак. Эксп. т. IV, 325)

соборное засѣданіе съ тѣмъ, что бы на немъ былъ разсмотрѣнъ вопросъ о единогласіи и рѣшенъ „какъ лутче быти“. Дѣйствительно 11-го февраля 1649 года, въ царской средней палатѣ, составилъ соборъ подъ предсѣдательствомъ патріарха Іосифа для разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса о единогласіи. Разсматривая этотъ вопросъ соборъ нашель, что отъ введенія въ московскихъ приходскихъ церквахъ единогласія, что сдѣлано въ самое послѣднее время, „на Москвѣ учинилась молва великая, и всякихъ чиновъ православныя людіе отъ церквей Божіихъ учили отлучатися за долгимъ и безвременнымъ пѣніемъ“. Въ виду этаго патріархъ „со всѣмъ освѣщеннымъ соборомъ совѣтовали и уложили: какъ было при прежнихъ святителехъ митрополитехъ и патріархахъ по всѣмъ приходскимъ церквамъ божественной службѣ быти по прежнему, а вновь ничево не вчинати“ ¹⁾. Такъ соборнымъ постановленіемъ 11-го февраля 1649 года, вопреки домогательствамъ Стефана и другихъ ревнителей, единогласіе въ приходскихъ церквахъ формально было отвергнуто, какъ мѣра вредная для народнаго благочестія, а многогласіе, какъ старый обычай, торжественно было узаконено.

Повятно, какое сильное и удручающее впечатлѣніе это соборное опредѣленіе должно было произвести прежде всего на Стефана Вонифатьевича. Всѣ его хлопоты и старанія о введеніи единогласія, его горячая увѣренность, что безъ единогласія въ народѣ не можетъ насаждаться истинное благочестіе, о чемъ онъ такъ усиленно заботился вмѣстѣ съ царемъ и другими ревнителями, должны были кончиться ничемъ, благодаря сопротивленію патріарха и его сторонниковъ. Этаго мало. Соборное формальное постановленіе окончательно узаконяло у насъ многогласіе, это „въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ“, полагало сильное препятствіе, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, всѣмъ дальнѣйшимъ попыткамъ ввести у насъ единогласіе. Всегда спокойный и кроткій Стефанъ на этотъ разъ не выдержалъ. Онъ публично жаловался государю на патріарха и всѣхъ властей, присутствовавшихъ на соборѣ, называлъ ихъ волками и губителями, а не пастырями, говорилъ, что утвержденнымъ

1) Дѣяніе собора 11-го февраля 1649 г. напечатано С. А. Бѣлокуровымъ въ чт. общ ист и древн 1894 г кн IV

соборомъ многогласіемъ уничтожается истинная церковь Христова, и въ глаза бранилъ и безчестилъ патріарха и всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ сторонниковъ многогласія. Эта несдержанная выходка Стефана сильно оскорбила патріарха и властей, тѣмъ болѣе, что все это произошло публично. Іосифъ рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы окончательно раздѣлаться съ ненавистнымъ ему царскимъ духовникомъ. Отъ своего лица и отъ лица всего освященного собора онъ подалъ государю челобитную на благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьевича, въ которой писалъ: „въ нынѣшнемъ, государь во 157 году, февраля въ 11 день, указалъ ты, благочестивый и христілюбивый государь царь, мнѣ, богомольцу своему, и намъ богомольцомъ своимъ, быть у себя, государя, въ средней. И тотъ благовѣщенскій протопопъ Стефанъ билъ челомъ тебѣ, государю, на меня, богомольца твоего, и на насъ, на весь освященный соборъ, а говорилъ: будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня, богомольца твоего, называлъ волкомъ, а не пастыремъ; тако жъ называлъ и насъ, богомольцовъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епискупа, и весь освященный соборъ бранными словами, и волками, и губителями, и тѣмъ насъ, богомольцовъ твоихъ, меня, патріарха, и насъ, богомольцовъ твоихъ, освященный соборъ, бранилъ и безчестилъ“. Затѣмъ патріархъ заявляетъ: „въ уложенной книгѣ писано: кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какія хульные словеса, да смертію умереть, а онъ, Стефанъ, не только что на соборную и апостольскую церковь хулу принесъ и на всѣ Божіи церкви, и насъ, богомольцовъ твоихъ, обезчестилъ“. Въ виду этого патріархъ проситъ царя созвать соборъ для суда надъ Стефаномъ ¹⁾. Но государь не придавалъ значенія этой челобитной Іосифа и собора и не далъ ей хода. Онъ неутвердилъ и соборнаго постановленія Іосифа, узаконявшаго многогласіе, такъ какъ самъ всецѣло былъ на сторонѣ Стефана, вполне одобрялъ и поддерживалъ его стараніе ввести у насъ во всѣхъ церквахъ обязательное единогласіе. Однако соборное постановленіе о многогласіи, хотя и неутвержденное царемъ, всетаки состоялось, съ этимъ фактомъ приходилось считаться итакъ или иначе парализовать

¹⁾ Эта челобитная патріарха Іосифа на Стефана, напечатана въ нашей книгѣ: патр. Никонъ, въ приложеніи

его. Тогда государь и Стефанъ Зонифатьевичъ пришли къ мысли, передать рѣшеніе вопроса о единогласіи на разсмотрѣніе и рѣшеніе константинопольскаго патріарха, какъ высшей и руководственной инстанціи въ рѣшеніи спорныхъ церковныхъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ и оказано было ими давленіе на патріарха Іосифа.

Патріархъ Іосифъ ранѣе не только не былъ принципиальнымъ противникомъ грековъ, но открыто и рѣшительно признавалъ, что восточные патріархи православную вѣру до нынѣ держатъ твердо и ненарушимо, и находятся въ полномъ единеніи съ русскою церковію. Такъ въ первомъ своемъ посланіи къ датскому королевичу Вольдемару (21 апрѣля 1644 г.) патріархъ Іосифъ между прочимъ пишетъ, что „греки и Русь“ отвергли папу „за отступленіе отъ вселенскихъ патріархъ“, „а назвали соборную католическую церковь едину восточную, которая седмью вселенскими соборы утвержденную вѣру держитъ воемъ ненарушимо, цѣлу и невреди́му соблюдаетъ и до днесъ“, что „римляне и германе“ не крестятся прямымъ крещеніемъ, „якоже изначала предано святыми апостолами и святыми вселенскими седмью соборы въ три погруженія, еже и до нынѣ у грековъ и у насъ Руси невреди́мо соблюдаемо есть“. Во второмъ посланіи къ Вольдемару Іосифъ пишетъ, что рускіе приняли истинную православную вѣру отъ православныхъ грековъ при князѣ Владимірѣ, „что съ четырьми вселенскими патріархи и до днесъ о православіи ссылаемся, и къ намъ отъ восточныхъ странъ митрополиты и архимандриты прежде сего и нынѣ пріѣзжаютъ, да еще и сами патріархи свидѣтельствованные въ вѣрѣ (т. е. несомнѣнно строго православные), и до сего дня мы безъ всякаго порока православную вѣру держимъ и пребываемъ въ ней“. Доказывая, что истинная церковь доселѣ находится въ Іерусалимѣ, патріархъ Іосифъ говоритъ, что къ Іерусалимской истинной церкви принадлежатъ теперь и другія „паче же и четыре патріаршіе мѣста, къ сему же (къ истинной іерусалимской церкви) съ тѣми (четырьмя восточными патріархами), со всѣми святыми вкупѣ, и наша святая, великая російская церковь согласуется правымъ истовѣданіемъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ патріархъ Іосифъ самое пра-

¹⁾ Рукоп. вашей академической бібліотеки (москов духовной) № 338. л. л. 3, 96, 99 об.

вославіе русскихъ доказываетъ именно его принятіемъ отъ грековъ и непрерывностію общенія, до самаго послѣдняго времени, русской церкви съ православными греческими четырьмя патріархами, которые, вмѣстѣ съ русскими, православную вѣру „не нарушимо, цѣлу и невредиму соблюдаютъ и до днесь“. Мы уже не говоримъ о томъ, что напечатанныя съ благословенія патріарха Іосифа Кириллова книга и книга о Вѣрѣ, заявляютъ, что русскому народу вселенскаго константинопольскаго патріарха слѣдуетъ слушать „и ему подлежати и повиноватися въ справѣ и науцѣ духовной“. Значитъ, патріархъ Іосифъ, по характеру своихъ воззрѣній на грековъ, не могъ оказать особенно упорнаго сопротивленія требованію царя перенести спорный вопросъ о единогласіи на рѣшеніе константинопольскаго патріарха, хотя, несомнѣнно, онъ уступалъ въ этомъ дѣлѣ царю крайне неохотно, такъ какъ хорошо понималъ, что это требованіе царя направляется противъ него, патріарха, и составленнаго имъ соборнаго опредѣленія противъ единогласія. Но такъ какъ царь придавалъ этому дѣлу важное принципиальное и практическое значеніе,—этимъ указывался и расчищался путь для будущей реформаторской дѣятельности Никона, то патріархъ Іосифъ уступилъ давленію царя и обратился къ константинопольскому патріарху съ особою грамотою, въ которой просилъ его разрѣшить слѣдующіе вопросы: можно-ли многимъ архіереямъ или іереямъ служить божественную литургію двумя потирами? Подобаеть ли въ службѣхъ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ читать единогласно? Нѣкоторые жены оставляютъ мужей своихъ по нелюбви и постригаются, а мужи оставляютъ женъ своихъ,—какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Можно-ли дѣлать священниками женившихся на вдовахъ, или вступившихъ во второй бракъ? На эти вопросы Іосифа изъ Константинополя былъ полученъ соборный отвѣтъ, разрѣшавшій недоумѣнія московскаго патріарха, причемъ, въ желательномъ для царя духѣ, заявлялось, что великая константинопольская церковь воспріяла отъ Бога силу отверзать двери вѣрнымъ къ разумѣнію божественнаго ученія, утверждать ихъ въ разумѣніи истинной и правой вѣры Христовой, что она есть источникъ и начало всѣмъ церквамъ, „начаетъ и подаетъ животъ всѣмъ благочестивымъ христіанамъ во всѣ церкви“, такъ какъ она всѣ догматы

благочестія „хранить ненарушимо и неподвижно, какъ сначала приняла, не умалили и не прибавили“. Константинопольскій патріархъ и лично отъ себя прислалъ Іосифу грамоту, въ которой опять заявляетъ, „что великая церковь Христова, благодатію св. Духа, есть начало инымъ церквамъ и должна въ нихъ исправлять неисправленное“. Относительно же единоголаснаго пѣнія и чтенія въ церквахъ, грамота патріарха рѣшительно заявляетъ, что единоголасіе „не только подобаеъ, но и непремѣнно должно быть“ ¹⁾.

Отвѣтъ константинопольскаго патріарха былъ полнымъ торжествомъ царя и Стефана Вонифатьевича и не по частному только вопросу о единоголасіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ являлся и оправданіемъ и поощреніемъ всей ихъ грекофильской дѣятельности. Въ 1651 году Іосифъ долженъ былъ, для рѣшенія вопроса о единоголасіи, созвать новый соборъ, на которомъ, вопреки постановленію собора отъ 11 февраля 1649 года, рѣшено было „пѣти во святыхъ Божіихъ церквахъ чинно и безмятежно, на Москвѣ и по всѣмъ градомъ, единоголасно, на вечерняхъ, и повечерницахъ, и на полунощницахъ, и на заутреняхъ, псалмы и псалтирь говорить въ одинъ голосъ, тихо и неспѣшно; со всякимъ вниманіемъ, къ царскимъ дверемъ лицомъ“ ²⁾. Но и здѣсь, уступая необходимости, Іосифъ остался себѣ вѣренъ: въ объясненіе того, почему онъ теперь предписываетъ во всѣхъ службахъ, по всѣмъ и приходскимъ церквамъ, строго держаться единоголасія, противъ котораго онъ еще такъ недавно возставалъ соборно, онъ ссылается не на посланіе константинопольскаго патріарха, а на постановленіе русскаго Стоглаваго собора. Патріархъ заявляетъ; „потщахся и изыскахъ въ соборномъ уложеніи, сирѣчь, въ Стоглавѣ“, что тамъ предписывается единоголасіе, онъ и повелѣваетъ всюду держаться о единоголасіи этого соборнаго русскаго постановленія. И какъ бы предвидя, а вѣроятно и зная, что скоро русскіе церковные чины и книги должны будутъ потерпѣть значительныя измѣненія, онъ говоритъ: „а иже кто гордостію дмяся, и отъ неразумія безумень, сый сего древняго и нынѣшняго нашего соборнаго уложенія учнетъ превращати, и на свой разумъ чины церков-

¹⁾ Греческія дѣла 7159 ч № 5

²⁾ Ак Эксп IV, 327

ныя претворяти, мимо нашихъ древнихъ письменныхъ и печатныхъ книгъ, и таковой по правиломъ святыхъ отецъ отъ нашего смиренія приметъ отлученіе и изверженіе“. Но ни на жалобы Іосифа, что онъ „уже третіе лѣто есть біенъ отъ свадникъ, терпя клеветныя раны“, ни на его угрозы тѣмъ, кто бы сталъ на свой разумъ претворять церковныя чины мимо нашихъ древнихъ письменныхъ и печатныхъ книгъ“, уже не обращали вниманія. Въ извѣстномъ намъ кружкѣ церковная реформа рѣшена была окончательно, все дѣятельно и энергично къ ней приготовлялось, и патріархъ Іосифъ увидѣлъ, что его терпятъ только изъ уваженія къ его старости и сану, почему въ послѣднее время говорилъ своимъ приближеннымъ: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а буде и не отставятъ, я и самъ за соборомъ объ отставкѣ буду бить челомъ“. Такъ дѣло шло до самой смерти Іосифа.

Н. Кантеревъ.
